DOI: 10.17976/jpps/2019.02.06

СВОБОДА VS БЕЗОПАСНОСТЬ? ЕВРОПА И МАССОВАЯ ИММИГРАЦИЯ

К.Г. Холодковский

ХОЛОДКОВСКИЙ Кирилл Георгиевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, email: holgrig@mail.ru

Холодковский К.Г. Свобода vs безопасность? Европа и массовая иммиграция. – Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 79-91. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.06

Статья поступила в редакцию: 23.10.2018. Принята к печати: 26.12.2018

Аннотация. Статья посвящена анализу угроз, связанных с массовой инокультурной иммиграцией в Европу, ключевые из которых – рост числа террористических актов и размывание европейской идентичности. Несмотря на серьезную озабоченность этими угрозами, правительства европейских стран в целом ограничиваются паллиативными мерами в их отношении. Показано, что переходу к более эффективной политике в этой сфере препятствуют догматически истолкованные постулаты либеральной демократии, безусловное, без оглядки на конкретную ситуацию, доминирование ценностей свободы в общественных отношениях, приводящее к недооценке потребностей в безопасности. Принятая во многих европейских странах концепция мультикультурализма привела лишь к оправданию обособления мусульманских иммигрантов. Идет поиск новых подходов к проблеме массовой иммиграции. В статье исследуются возможные перспективы развития ситуации и обсуждается проблема соотношения свободы и безопасности в реальной политике.

Ключевые слова: инокультурная иммиграция, терроризм, мусульманство, европейская идентичность, свобода, безопасность, толерантность, мультикультурализм, интеркультурализм.

Один из насущных вопросов современной мировой политики – вопрос о соотношении потребности в свободе и потребности в безопасности. Обе они имеют важнейшее значение для общества и личности, однако их практическое обеспечение требует разрешения целого ряда противоречий.

Исторически развитие и удовлетворение этих потребностей происходило неравномерно. Если потребность в свободе зависит от уровня индивидуального и общественного развития, то потребность в безопасности существует всегда, но усиливается в периоды обострения внутренней и международной ситуации. Потребность в свободе нашла свое обоснование в постулатах иудео-христианской культуры, послужив как одним из стимулов предпринимательской энергии и экономического прогресса, так и фактором успеха демократии. В современную эпоху под влиянием международных связей, а затем и глобализации этот процесс нашел определенное, хотя и ограниченное, воплощение и за пределами так называемых развитых стран.

Уже религиозная Реформация XVI в. сделала свободу личности знаменем передовых, мыслящих людей западного мира. Британский Билль о правах 1689 г., французская Декларация прав человека и гражданина поставили проблему свободы в центр общественной жизни. С конца XVIII в. либерализм (в сочетании с национализмом) стал идейной основой развития государств

Запада [Войтоловский 2007: 62]. Безусловный приоритет свободы и сопряженных с ней принципов (толерантность, права человека) стал ведущим ценностно-идеологическим постулатом западных обществ, нашел глубокое обоснование в трудах и высказываниях классиков мировой философии от Джона Локка и энциклопедистов до Карла Поппера, Эриха Фромма и Юргена Хабермаса. Все они прекрасно осознавали риски, связанные с доминированием свободы в жизни общества, противоречие между ценностями свободы и безопасности, но были уверены, что свободный человек найдет в себе силы, чтобы справиться с ними. Теоретики либерализма решительно отвергали подход немецкого философа Карла Шмитта и его последователей, допускавших ограничение свободы человека во имя безопасности. Широко пропагандировалось высказывание Бенджамина Франклина: "Тот, кто жертвует свободой во имя безопасности, недостоин ни того, ни другого". В конце XX в. права индивида, ограничение вмешательства государства в его жизнь и жизнь общества были воздвигнуты на пьедестал идеологами неолиберализма.

Прекращение холодной войны, казалось, привело к окончательному торжеству в политике либерального подхода к проблеме соотношения свободы и безопасности. Однако в XXI в. этот подход начинает угрожать самим основам иудео-христианской цивилизации. Дело не только в опасном взрыве насилия и гражданских войн на Ближнем Востоке, возрождении холодной войны и гонки вооружений, неконтролируемом расползании ядерного оружия и милитаризации сознания, особенно у представителей молодежи[1].

Наиболее жесткий вызов либеральной трактовке обозначенной проблемы явил собой феномен массовой инокультурной иммиграции, прежде всего из мусульманских стран, в страны с высоким уровнем жизни. В европейских странах неуклонно растет доля инокультурных иммигрантов и их потомков в населении, в том числе в связи с более высокими показателями рождаемости. Так, если в 2010-2016 гг. естественный прирост мусульманского населения Европы составил 2,9 млн чел., то немусульманская часть жителей региона понесла естественную убыль в 1,7 млн чел. [Интеграция... 2018: 32].

Изменения затрагивают не только внешний облик городов, но и национальный состав должностных лиц. Сосредоточение иммигрантов в крупных центрах и особенно в их окрестностях делает их присутствие заметнее. В Дебтфорде, Милтон-Корте и Пеписе (районы Лондона) доля этнических меньшинств приближается к половине, а в некоторых окружающих город районах составляет большинство. "Лондонистан" – так английская журналистка М. Филипс назвала столицу Великобритании [Берсон 2011: 67].

Уже в начале 2010-х годов совокупная численность мусульманских общин в Западной Европе превышала 18 млн чел. (4,5% всего населения). А в 2015 г. под влиянием событий в Сирии поток беженцев с Ближнего Востока принял беспрецедентные масштабы: только за 2015 г. в Германию въехало более миллиона беженцев [Бардин 2016: 183]. К 2016 г. доля мусульман в населении Германии достигла 5%, Нидерландов – 5,5%, Бельгии – 6%, Австрии – 7%[2]. При сохранении текущих паттернов миграции к 2050 г. общая

[1] См. Млечин Л. Позвольте превратить вас в пепел. – *Новая газета*. 03.01.2017. URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/01/03/71057-pozvolte-prevratit-vas-v-pepel (accessed 10.02.2019).

[2] *Muslim Population in Europe*. URL: https://www.muslimpopulation.com/Europe/ (accessed 10.02.2019).

численность мусульман в странах Европы может достичь 75,6 млн чел. (14%) [Europe's Growing... 2017: 5].

Для среды инокультурных переселенцев характерны два противоположных процесса: с одной стороны, принятие ценностей и установок страны пребывания (по большей части, с трудом и не полностью); с другой – отказ от них, самоизоляция, а порой и агрессивное утверждение своего превосходства. Эти процессы сосуществуют и даже пересекаются: агрессивные акции радикалов могут временами вызывать сочувственный отклик среди вроде бы мирной и интегрированной части инокультурного населения – достаточно вспомнить реакцию на карикатурные изображения пророка Мухаммеда в "Шарли Эбдо".

Одним из ключевых факторов, препятствующих интеграции инокультурных иммигрантов, выступает тенденция к формированию ими этнических анклавов и, в целом, к обособлению от местного населения – чему нередко способствуют практики местных властей по территориальному расселению иммигрантов. С другой стороны, исламские бизнесмены часто предпочитают действовать по привычным для них правилам, не совпадающим с принятыми в западной бизнес-среде, увеличивая тем самым "серую зону".

Феномен обособления мусульман, несомненно, имеет религиозные основания, лежащие прежде всего в необходимости соблюдения норм шариата, определяющих всю повседневную жизнь и поведение верующих. Нарушение норм шариата трактуется как серьезное отступление от нравственных и религиозных обязанностей, которое должно строго караться мусульманской общиной. Следование мусульман Европы нормам шариата не только разрушило единство институционального и культурно-этического пространства западного мира; занятая многими приверженцами ислама в нормативной сфере непримиримая и временами даже наступательная позиция при их непрестанно увеличивающейся доле в населении грозит размыванием европейской идентичности.

Европейский истеблишмент в течение долгого времени не признавал опасности, связанной с наплывом инокультурных иммигрантов. Бизнес был заинтересован в ликвидации ощущавшегося со второй половины XX в. дефицита дешевой рабочей силы. Бытовало убеждение, что пребывание иммигрантов – явление временное, что, отработав свое, они вернутся назад. Убедившись, что это не так, что в развитых странах растут вкрапления иной цивилизационной природы, правящие круги озаботились упорядочением отношений с ними.

С легкой руки канадского истеблишмента в Западной Европе распространилась концепция и практика мультикультурализма, предполагавшего в качестве средства разрешения этноцивилизационных противоречий сохранение культурного разнообразия и взаимное уважение идентичности. Мультикультурализм в течение нескольких десятилетий оказывал определяющее влияние на государственную политику целого ряда западноевропейских стран. Как следствие, в Нидерландах уже в начале XXI в. общая численность иммигрантов и их потомков превысила 16-17% всего населения, а в крупных городах была значительно выше [Семененко 2006: 61].

Проверка временем показала, что мультикультурализм не приводит к социокультурной интеграции общества и не способствует повышению уровня социальной безопасности. Практически единственным следствием такого

подхода стало "окукливание" мусульманских общин, отнюдь не отвечающих на уважительное отношение к их культуре таким же уважением к культуре "аборигенов", и дальнейшее "'разрыхление' общенационального самосознания" [Вайнштейн 2013: 78]. Пришлось признать, что "'старая' Европа не выдерживает тех испытаний и вызовов, которые порождает не обусловленное этическими ограничениями и зачастую бездумное применение принципов политкорректности" [Семененко 2006: 63].

Уже в 2002 г. в Нидерландах специальная парламентская комиссия, изучавшая опыт интеграции иммигрантов, констатировала провал государственной мультикультурной политики. Такого же рода оценки позже были сделаны и в других странах, прежде всего политиками-консерваторами; либералы и социал-демократы воздержались от подобных комментариев.

В конце 2000-х – начале 2010-х годов в интеграционной политике ряда европейских стран получают заметное распространение практики интеркультурализма[3]. Ключевым их элементом выступает как раз то, что не удалось мультикультурализму – контакт, диалог и взаимодействие культур: "интеркультурализм ориентирован на налаживание конструктивного взаимодействия населения культурно многообразных социумов на основе совместных потребностей, целей и т.п. у представителей разных этносов, культур и религий, объединяемых общей гражданской ответственностью за страну, в которой они проживают" [Интеграция инокультурных мигрантов... 2018: 8-9].

Интеркультурализм, несомненно, является шагом вперед по сравнению с мультикультурализмом. Слабая его сторона – трудный поиск путей к взаимодействию с инокультурным сообществом, достижения заинтересованности последнего в таком взаимодействии. Кроме того, поле применения новой политики ограничено городами, которые, правда, и являются главными центрами расселения иммигрантов.

Иммигранты первого поколения, как правило, удовлетворены своим устройством на новом месте даже при минимальном уровне доходов, но их запросы резко возрастают во втором и третьем поколениях, что при обычно более низком, чем у местного населения, уровне образования и квалификации и, соответственно, неравноправном положении на рынке труда, создает основания для недовольства и серьезного конфликта. Такие этносоциальные конфликты по своей форме могут напоминать хаотические беспорядки, бунты, погромы, грабежи, распространенные в период раннего капитализма. Не менее острыми становятся и этнокультурные протесты иммигрантов и их потомков против запрещения хиджабов; бурные дискуссии вызывают требования мусульман убрать символику христианства из общественных мест – или, как это произошло в Швейцарии, даже с государственного флага.

Помимо острых столкновений серьезную опасность для европейских стран представляют скрытые, постепенно вызревающие настроения взаимного недовольства, противостояния иммигрантов и коренного населения.

Неспособность западноевропейского общества интегрировать переселенцев не только грозит размыванием европейской идентичности, но и создает массовую базу для исламистского терроризма, волна которого нарастает.

[3] Следует отметить, что интеркультурные практики не являются принципиально новым явлением и во многих странах применялись уже долгие годы.

Запрещенное в России "Исламское государство" может не засылать в Европу своих агентов, так как оно имеет возможность находить их среди живущих там потомков иммигрантов, причем многие из этих агентов имеют вполне благополучные жизненные условия. Даже получившие высшее медицинское образование сотрудники госпиталей Лондона и Глазго из числа потомков иммигрантов запятнали себя попытками устроить в своих больницах террористические акты.

Если в начале XXI в. серьезные террористические акты в странах Западной Европы носили единичный характер (теракты в мадридских электропоездах в 2004 г., когда погиб 191 чел., взрывы бомб в метро Лондона, унесшие жизни 52 пассажиров, и др.), а в некоторые годы (2008 г., 2011 г.) обходилось без них, то в 2015 г. произошло 17 террористических актов, из которых самый крупный случился в Париже 13 ноября, в 2016 г. – 13, а только за 9 месяцев 2017 г. – 10 (взрывы в метро, наезд грузовика на людей на Лондонском мосту в столице Великобритании и взрыв в Манчестере, нападение на полицейских и теракт на вокзале в Брюсселе, нападение на полицейских на Елисейских полях, теракт в супермаркете Гамбурга, теракт в финском Турку, наезды автомашин на пешеходов в Стокгольме и в Барселоне). В 2015 г. в результате терактов было убито 150 чел., в 2016 г. – 135. Самым крупным терактом с участием автомобиля был наезд на толпу в Ницце (86 погибших).

Отсутствие адекватного ответа на исламистский террор создает ответную волну нетерпимости и национализма, чреватую возрождением крайних форм радикализма. Уже в 2012 г. 70% опрошенных французов разделяли идею о том, что во Франции слишком много иностранцев, а 68% заявили, что более не чувствуют себя в своей стране, как дома [Преображенская 2013: 96]. В ходе аналогичного опроса в 2016 г. за сокращение иммиграционного потока высказались 69% британцев, 56% испанцев, 44% французов, 34% немцев. Несогласие с иммиграционной политикой властей высказали 77% испанцев, 75% греков, 73% британцев, 64% французов и итальянцев, 57% голландцев, 51% немцев, 48% португальцев, 38% шведов [Виловатых 2017: 83].

Скорее всего, ни в краткосрочной, ни в среднесрочной перспективе проблема инокультурной иммиграции и терроризма уже не поддается удовлетворительному решению. Необходимо сосредоточиться на мерах, которые позволят в долгосрочном периоде избежать ее гибельных последствий для основ иудео-христианской цивилизации. Для этого следует вернуться к проблеме соотношения свободы и безопасности и поставить под вопрос тезис о безусловном приоритете первой из этих ценностей.

В Западной Европе наметился и начинает увеличиваться разрыв между официально провозглашаемым постулатом о безусловном приоритете принципов свободы, толерантности, прав человека и нарастающей обеспокоенностью общественности проблемой безопасности. Как отмечает психолог Райнер Функ, "произошел решающий поворот в общественном сознании, вследствие которого не свобода, а безопасность стала считаться наивысшим благом и безусловной ценностью". Комментируя это высказывание, крупный правовед и бывший министр внутренних дел ФРГ Герхарт Баум призывает планировать одновременно и безопасность, и свободу [Баум 2015].

Видный британский историк и политический философ Джон Николас Грей предупреждает об опасности отстранения государства от задач обеспе-

чения безопасности. По его мнению, опаснее, чем враждебность либерализму его заклятых врагов – "сама либеральная идеология, усматривающая в государственной власти главную угрозу свободе. На самом деле у либеральных сообществ есть будущее только в том случае, если Гоббсова протекционистская роль государства будет немедленно восстановлена". Философ убежден, что либеральные общества должны защищать себя, для чего необходимо ослабить культ прав человека[4].

Другой представитель британской общественности, генерал-майор в отставке Чарьз Вивиан, отмечает: чем больше свобод – тем выше уязвимость перед лицом терроризма. Он призывает к равновесию между полномочиями государства и свободами, гражданскими и личными [Вивиан 2009].

Оппоненты либералов оспаривают утверждение о противоречии между защитой индивидуальных прав и гарантиями личной безопасности, утверждая, что среди других прав есть право человека на безопасность, право на защищенное существование [Pertici 2016], что право на жизнь есть первейшее право человека[5].

Подобная ситуация возникает в западном мире не впервые. В течение ряда лет перед западными правительствами стояла угроза со стороны большевизма, провозглашавшего курс на мировую революцию и создавшего международную организацию (Коминтерн), служившую его воплощением. Тогда эти правительства не остановились перед принятием ряда мер по обеспечению безопасности, идущих вразрез с либеральными принципами верховенства свободы и прав человека.

Имел место и прецедент иного характера: попытки умиротворения нацизма и фашизма, закономерно кончившиеся крахом и заставившие прибегнуть к военной силе и другим мерам принуждения, чтобы стереть эти агрессивные силы с лица земли.

Очень многое зависит от того, стратегический или тактический характер носит нынешний выбор – иными словами, каков он по своей сути – катастрофический, безусловный или ситуационный. Вероятно в настоящее время он находится в промежуточном между этими состояниями положении. От точных и корректных тактических шагов зависит, перейдет он в область стратегии или нет. В чем же может состоять этот выбор?

Думается, что здесь применим опыт сочетания в политике других конкурирующих за приоритеты потребностей – прежде всего потребностей экономического развития и социальных интересов широких слоев населения. Соперничество и сотрудничество консерваторов, либералов и социал-демократов позволили найти равновесие этих потребностей. Гибкое, подвижное равновесие свобод, неотъемлемых прав человека и безопасности гражданина и государства, не исключающее в те или иные моменты, в тех или иных аспектах ситуационного перевеса того или другого – такова должна быть цель тактических шагов в данной сфере. Недопустима абсолютизация ни той, ни другой потребности.

[4] Грей Дж.Н. Сумерки либерального мышления. – *Гефтер. Журнал.* 18.11.2016. URL: http://gefter.ru/archive/20067 (accessed 10.02.2019).

[5] Ильинский А. Свобода и безопасность. – *Агентство политических новостей.* 11.12.2015. URL: https://www.apn.ru/index.php?newsid=34440 (accessed 10.02.2019).

Вероятно, тот же метод – учет опыта прошлого (в данном случае прецедента с санкциями, примененными к Ирану) может быть использован в борьбе против распространения ядерного оружия.

Важно отметить, что непременным условием успеха предлагаемой тактики является полноценная политическая демократия. Только она позволяет гибко, своевременно, адекватно реагировать на изменение ситуации, находить нужные формы реакции на эти изменения, правильное сочетание в обеспечении как свободы, так и безопасности напоминает, что недопустима и абсолютизация безопасности, содержащая зародыш тоталитаризма. В итоге практика либеральной демократии должна видоизмениться, стать еще более гибкой и лучше отвечающей потребностям нашего времени.

Чрезвычайно ценна инициатива Европейского совета по толерантности и примирению (ЕСТП), не только предупреждающего об опасности ничем не ограниченной толерантности, но и выступившего с разработанным группой экспертов базовым законопроектом, содержащим конкретные предложения по созданию правовой основы регулирования вопросов толерантности. Цель, отметил председатель Совета Вячеслав Кантор, состоит в том, чтобы "перевести толерантность из сферы мягких, добрых намерений – в русло твердой науки и жесткой юридической практики"[6].

Признавая, что толерантность играет важную роль в обеспечении успешного сосуществования разных групп в едином обществе, авторы законопроекта подчеркивают, что это сосуществование не должно затрагивать основополагающую идентичность общества или его базовые ценности. Такое сосуществование требует от отдельных лиц и групп взаимных уступок, не допускает ослабления связей, формирующих общество как единое целое.

Законопроект провозглашает свободу самовыражения, включая свободу вероисповедания, и в то же время требует искоренения преступности на почве ненависти, порицания любых форм нетерпимости, в том числе религиозной. Давая полный перечень прав и свобод, авторы одновременно выдвигают ряд их ограничений. Толерантность не должна использоваться для нарушения государственной и международной безопасности, для освобождения от ответственности за террористические действия и подрыв мира и стабильности. Толерантность не означает, что группа может отделиться от общества, не признавая общения с другими группами, или навязывать свои обычаи. Толерантность, говорится в законопроекте, – улица с двухсторонним движением.

Документ прямо связывает правовые положения с проблемой иммиграции, с поиском баланса прав и обязанностей мигрантов. Он указывает, что толерантность не означает принятия насильственных браков, полигамии и вообще обычаев, означающих доминирование мужчин над женщинами. Толерантность применима и к мигрантам, но они должны следовать принципам сосуществования с другими группами общества. Мигрант, еще не получивший гражданства и явно нарушающий эти принципы, может по приговору суда или в квазисудебном порядке быть выслан из страны. В то же

[6] Вячеслав Кантор: "Режим нераспространения ядерного оружия находится под угрозой". – *Международный люксембургский форум по предотвращению ядерной катастрофы*. 01.07.2015. URL: http://www.luxembourgforum.org/press/smi/viacheslav-kantor-rezhim-nerasprostraneniia-iadern/ (accessed 10.02.2019).

время законопроект предусматривает защиту уязвимых и слабо защищенных групп населения.

Отмечена в законопроекте и роль СМИ в поддержании атмосферы безопасной толерантности, и необходимость создания в школах курсов по расширению знаний о ней. Предлагается создание специального административного подразделения для надзора за состоянием толерантности[7].

Законопроект ЕСТП предложен для обсуждения в национальных парламентах, однако у него имеются влиятельные оппоненты. Лидер немецких социал-демократов Мартин Шульц полагает, что "очень трудно наложить на себя обязательства быть толерантным по закону. Это вопрос образования и убеждения". Впрочем, Шульц не возражает и против правового закрепления этого принципа[8].

Первое, что в сложившейся ситуации требуется от правящей элиты, от политических лидеров стран Европы – это скорейшее осознание масштабов надвигающейся опасности, понимание, что без перемены отношения к проблемам безопасности, без осуществления целой программы срочных и солидарных в масштабе всей Европы мер христианской цивилизации угрожает судьба, которая постигла ее греко-римскую предшественницу, павшую под натиском варварских племен. Европе нужны деятели масштаба Рузвельта, де Голля, Дэн Сяопина, способные перешагнуть через сиюминутные соображения и интересы, руководствоваться в первую очередь ответственными задачами, решения которых от них требует история.

Миграционный кризис 2015-2016 гг., вызванный резким увеличением потока беженцев с Ближнего Востока и стран Африки, побудил европейскую администрацию и власти отдельных европейских государств принимать некоторые спешные меры чрезвычайного характера. Миграционный кризис стал главной темой обсуждения на встречах руководителей стран ЕС. Уже в апреле 2015 г. на внеочередном саммите Европейского совета были приняты основы новой стратегии в отношении иммиграции. В три раза был увеличен бюджет агентства ЕС по безопасности внешних границ *Frontex*, ведущего операции как по спасению беженцев в море, так и по борьбе с контрабандистами, организующими эти опасные для жизни поездки.

В конце лета 2015 г. была организована операция "София" по спасению тонувших и контролю за средиземноморским водным пространством. В декабре того же года было создано специальное агентство – Европейская служба пограничной и береговой охраны, но ее штат – 1 500 чел., – даже с учетом существования *Frontex* (402 чел.) все же недостаточен для новых условий. Вместе с тем была разработана более эффективная процедура выдворения нелегалов.

Самым трудным делом оказалось налаживание сотрудничества стран в распределении тягот иммиграции. Осенью 2015 г. некоторые страны ЕС закрыли свои границы для иммигрантов. С целью уменьшения опасной концентрации иммигрантов в отдельных странах (Греция и Италия – первые страны, куда попадали беженцы, Германия и другие преуспевающие страны – предпочитае-

[7] *A European Framework National Statute for the Promotion of Tolerance*. 2014. URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/libe/dv/11_revframework_statute_/11_revframework_statute_en.pdf (accessed 10.02.2019).

[8] Наумова Е. Европейцы разработали закон о толерантности. – *Вести.ru*, 17.10.2012. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=935154 (accessed 10.02.2019).

мые ими конечные цели) Европейская комиссия определила квоты для каждой из стран – минимальное количество беженцев, которое они должны принять.

Но солидарность членов ЕС оказалась не на высоте. Не только страны Балтии и так называемой Вышеградской группы (Чехия, Словакия, Венгрия, Польша), но первоначально и Великобритания, Франция, Испания, Финляндия составили оппозицию этому решению. Когда же решение все же было принято, большинство членов ЕС предпочло тактику его фактического невыполнения или недовыполнения. Только Финляндия, Ирландия и Мальта почти полностью исчерпали свои квоты на прием беженцев.

Наиболее удачной среди принятых мер оказалась договоренность с Турцией, и это не случайно: становилось все более ясно, что воздействовать на ситуацию невозможно, не выходя за пределы самой Европы. По соглашению с Турцией, заключенному в марте 2016 г. после трудных переговоров, эта прежде важнейшая для беженцев транзитная держава обязывалась способствовать сокращению миграционного потока в Европу, создав лагеря беженцев на своей территории и обеспечив там оптимально благоприятные условия. На прием и обустройство беженцев ЕС предоставлял Турции 6 млрд евро. Правительство Р. Эрдогана добросовестно выполнило нелегкие условия соглашения, и в 2016 г. миграция через границы страны сократилась на 97%. Если в конце 2015 г. турецко-греческую границу ежедневно пересекало 6 тыс. чел., то в июне 2016 г. – менее 50 [Вимон 2017: 5-6]. Балканский путь миграции был фактически перекрыт. Однако дальнейшая судьба соглашения под вопросом: Турция обеспокоена невыполнением ЕС обещания ускорить ее принятие в свои ряды.

Успех соглашения с Турцией побудил ЕС попытаться добиться тех же результатов в переговорах с африканскими странами. Кроме того, ЕС выделил 3,6 млрд евро на урегулирование последствий гуманитарного кризиса в Сирии и размещение сирийских беженцев в других ближневосточных странах [ЕС перед вызовом... 2016: 10].

Пока что паллиативные меры, предпринятые правительствами стран, входящих в ЕС, для ограничения массовой иммиграции и предотвращения террористических актов, не привели к существенным изменениям в области безопасности. На первый план выходит вопрос о взаимоотношениях с уже переселившимися в Западную Европу мусульманами.

Каковы же перспективы дальнейшего развития? Нельзя исключать, что лишь дальнейшее ухудшение ситуации сподвигнет политические элиты Европы на изменение политического курса в вопросах безопасности. Рассмотрим три возможных сценария.

1. *Самый неблагоприятный вариант* – крупный, катастрофический провал сил безопасности и как его следствие – общественный взрыв возмущения такой силы, что политические лидеры крупнейших государств ЕС вынуждены будут пойти на пересмотр приоритетов в области политики безопасности и ограничения иммиграции[9].

[9] Самая страшная, смертельная для общества угроза связана с потенциальной угрозой ядерного терроризма. Террористам не обязательно, как это иногда трактуют некоторые эксперты, прибегать к использованию арсеналов таких стран, обладающих ядерным оружием и зачисляемых порою в "изгои", как Пакистан и Северная Корея. Возможны, к несчастью, и иные "утечки". Так, в 2007 г. в ЮАР две группы вооруженных людей ворвались на объект, где хранились сотни килограммов обогащенного урана, захватив пункт управления и застрелив дежурного. И, хотя они вскоре оставили пункт, прецедент был создан.

2. Вполне вероятен и иной вариант. В нынешней ситуации сохраняющейся двусмысленности в сфере западноевропейской политики безопасности и *de facto* заигрывания с радикальным исламом можно прогнозировать нарастание волны джихадистского терроризма. Реакцией на явное возрастание этой угрозы может быть принципиальная реорганизация политики безопасности (в том числе и в отношении мигрантов) посредством выработки новой политической повестки и выдвижения новых политических лидеров. Но вместе с тем, в этой новой повестке и среди этих новых лидеров весьма вероятно усиление правопопулистских или (что менее вероятно) левопопулистских тенденций.

Эти процессы уже сегодня происходят в некоторых малых странах. Себастиан Курц, лидер Австрийской Народной партии, победившей на октябрьских выборах 2017 г. благодаря критике германского канцлера А. Меркель за неограниченный допуск беженцев, привлек в новое правительство правопопулистскую Австрийскую партию свободы, настроенную антииммигрантски. Такой поворот событий заставляет и партии традиционного толка в других странах следовать его примеру и усиливать внимание к этим болезненным проблемам.

3. Возможно и постепенное уменьшение масштабов и снижение остроты террористической угрозы. К этому может привести сочетание ряда факторов: военных поражений исламистских сил, снижение их привлекательности и соответствующее сокращение их социальной базы в Европе, и одновременно – усиление ныне более или менее пассивного умеренного крыла ислама, ориентированного на хотя бы символическую интеграцию в политическую систему стран ЕС.

Скорее всего, влияния лишь одного из этих факторов окажется недостаточно. Совсем иной случай – одновременное сочетание всех указанных факторов. В этом случае и подход к проблеме терроризма и иммиграции, видимо, останется прежним, но в центр внимания встанет проблема налаживания диалога с мусульманскими общинами. В этом отношении потенциал активизации лояльных, готовых к цивилизованному сотрудничеству сил мусульманского мира – так называемого европейского ислама – может иметь решающее значение.

Сопоставляя три этих сценария, полагаю, что наиболее вероятен сценарий 2, тогда как вариант 3 – наименее вероятный.

Настоящую гарантию безопасности для будущего может создать не сумма мало согласованных ограничительных и запретительных мер наподобие срочно принятых под влиянием миграционного кризиса 2015-2016 гг., но целый комплекс политических операций, лишь частью которого являются такого рода меры. По словам Н.К. Арбатовой, “нужна глобальная повестка дня для решения всего комплекса проблем, связанных с переселением народов” [ЕС перед вызовом... 2016: 4].

В эту глобальную повестку, конечно, входят настойчивые и вместе с тем осторожные меры по социальной адаптации иммигрантов и развитию диалога с мусульманским миром, по развитию практик интеркультурализма. Входит и преодоление кризисных явлений в Евросоюзе, успешное налаживание “европейской солидарности” – обязательное условие эффективного разделения тягот приема и адаптации иммигрантов.

Но вместе с тем требуется решительный выход за пределы Европы. Имеется в виду прежде всего оказание настойчивого, не ограничивающегося временными или частичными мерами воздействия на ситуацию в третьем мире, активного гашения очагов военных конфликтов, вызывающих бегство оттуда мирных жителей. Этого вряд ли можно достичь без восстановления атмосферы согласия и конструктивного сотрудничества между Россией и развитым миром. Наконец, чтобы сократить, ввести в нормальное русло поток экономической миграции, необходимо облегчить развивающемуся миру решение его огромных структурных трудностей, а выполнение этой задачи требует эффективного ограничения близорукой эгоистической политики хозяев глобальной экономики и затрат, далеко превосходящих затраты по "плану Маршалла".

Многое из этого звучит как утопия. Но кто знает? История нередко принимала такой оборот, какой никакие прогнозисты не могли бы предсказать. Кто бы в XVII в. мог предугадать победу демократии в большинстве европейских стран, а в XX в. – быстрое возрождение Китая после эксцессов маоизма?

Хотелось бы верить, что все названные условия сохранения иудеохристианской цивилизации так или иначе выполнимы. Ясно, что решение этой проблемы, как и других, еще более трудных и насущных проблем (ликвидации атомной угрозы, регулирования теплового режима планеты, безопасного научно-технологического прогресса) потребует от человечества способности подняться выше потребностей сегодняшнего дня.

DOI: 10.17976/jpps/2019.02.06

FREEDOM VS SECURITY? EUROPE AND MASS IMMIGRATION

K.G. Kholodkovskii[1]

[1]*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

KHOLODKOVSKII, Kirill Georgievich, Dr. Sci. (Hist.), Leading Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, email: holgrig@mail.ru

Kholodkovskii K.G. Freedom vs Security? Europe and Mass Immigration. – Polis. Political Studies. 2019. No. 2. P. 79-91. (In Russ.). https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.06

Received: 23.10.2018. Accepted: 26.12.2018

Abstract. The article analyzes the threats associated with mass foreign cultural immigration to Europe. The key threats considered by the author are the growing number of terrorist acts and the erosion of European identity. Despite serious concerns about these threats, the efforts of European governments are generally limited to palliative counter-measures. The author shows that the transition to a more effective policy in this sphere is hindered by dogmatically interpreted postulates of liberal democracy. In the first place, it is the unconditional, without regard to a specific situation, prevalence of freedom values in public relations, which leads to underestimation of security needs. Multicultural policy adopted in many European countries resulted primarily in the isolation of Muslim immigrants. The problem of mass immigration requires new approaches and solutions. The article examines possible prospects for the development of the situation and discusses the problem of the relationship between freedom and security in real politics.

Keywords: foreign cultural immigration, terrorism, Islam, European identity, freedom, security, tolerance, multiculturalism, interculturalism.

References

Europe's Growing Muslim Population. 2017. Pew Research Center. URL: http://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/ (accessed 10.02.2019).

Pertici A. 2016. Terrorismo e diritti della persona. – *Questione Giustizia*. No. 1. P. 26-54. URL: http://www.questionegiustizia.it/speciale/pdf/QG-Speciale_2016-1.pdf (accessed 10.02.2019).

Bardin A.L. 2016. The Problem of Migration in German Academic Discourse. – *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 183-188. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.13

Baum G. 2015. *Spasti prava grazhdan. Svoboda ili bezopasnost'? Polemicheskie zametki* [Save the Rights of Citizens. Freedom or Security? Polemical Notes]. Moscow: Sektor. (In Russ.)

Berson A.B. 2011. European Metropolis and Multiculturalism: Degree of Compatibility. – *Contemporary Europe*. No. 1. P. 57-69. (In Russ.)

ES pered vyzovom migratsionnogo krizisa. Pozitsii evropeiskikh stran. 2016. Pod red. N.K. Arbatovoi, A.M. Kokeeva [EU in the Face of Migration Crisis. Positions of European Countries. Ed. by N.K. Arbatova, A.M. Kokeev]. Moscow: IMEMO RAN.

Integratsiya inokul'turnykh migrantov: perspektivy interkul'turalizma. 2018. Otv. red. I.P. Tsapenko, I.V. Grishin [Integration of Migrants wth Different Cultural Background: Prospects of Interculturalism. Ed. by I.P. Tsapenko, I.V. Grishin]. Moscow: IMEMO RAN.

Preobrazhenskaya A.A. 2013. Etnosotsial'nye problemy vo frantsuzskom obshchestve [Ethnosocial Problems in French Society]. – *Novye faktory global'nogo i regional'nogo razvitiya: obostrenie etnokul'turnykh protivorechii*. Pod red. E.Sh. Gontmakhera, N.V. Zagladina, I.S. Semenenko [Global Crisis and Its Aftereffects: Increase of Ethnic-Social-Cultural Contradictions. Ed. by E.Sh. Gontmakher, N.V. Zagladin, I.S. Semenenko]. Moscow: IMEMO RAN. P. 92-98. (In Russ.)

Semenenko I.S. 2006. Integration of Communities with Different Cultural Background in Developed Countries. – *The World Economy and International Relations*. Vol. 10. P. 58-68. (In Russ).

Vainshtein G.I. 2013. Etnokul'turnyi konflikt v Evrope: spetsifika, dinamika i nekotorye ego politicheskie posledstviya [Ethnocultural Conflict in Europe: Specificity, Dynamics and Some of Its Political Consequences]. – *Novye faktory global'nogo i regional'nogo razvitiya: obostrenie etnokul'turnykh protivorechii*. Pod red. E.Sh. Gontmakhera, N.V. Zagladina, I.S. Semenenko [Global Crisis and Its Aftereffects: Increase of Ethnic-Social-Cultural Contradictions. Ed. by E.Sh. Gontmakher, N.V. Zagladin, I.S. Semenenko]. Moscow: IMEMO RAN. P. 64-78. (In Russ.)

Vilovatykh A.V. 2017. European Union in the Grip of Migration Crisis. – *National Strategy Issues*. Vol. 2. No. 41. P. 76-94. (In Russ.)

Vimont P. 2017. Migration in Europe: Bridging the Solidarity Gap. (Russ. ed.: Vimont P. *Migratsiya v Evrope: preodolenie krizisa solidarnosti.* Moscow: Moscow Carnegie Center).

Vivian Ch. 2009. Security and Freedom. – *Obshchaya tetrad'*. Vol. 3. No. 49. URL: http://otetrad.ru/article-550.html (accessed 10.02.2019). (In Russ.)

Voitolovskii F.G. 2007. *Edinstvo i razobshchennost' Zapada: ideologicheskoe otrazhenie v soznanii elit SShA i Zapadnoi Evropy transformatsii miroporyadka. 1940-2000 gody* [Unity and Disunity of the West: The Ideological Reflection in the Minds of the Elites of the United States and Western Europe of the Transformations of the World Order. 1940-2000]. Moscow: Kraft.

Литература на русском языке

Бардин А.Л. 2016. Миграционная проблема в германском научном дискурсе. – *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 183-188. https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.13

Баум Г. 2015. *Спасти права граждан. Свобода или безопасность? Полемические заметки*. М.: Сектор.

Берсон А.Б. 2011. Европейский мегаполис и мультикультурализм: степень совместимости. – *Современная Европа*. № 1. С. 57-69.

Вайнштейн Г.И. 2013. Этнокультурный конфликт в Европе: специфика, динамика и некоторые его политические последствия. – *Новые факторы глобального и регионального развития: обострение этнокультурных противоречий*. Под ред. Е.Ш. Гонтмахера, Н.В. Загладина, И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН. С. 64-78.

Вивиан Ч. 2009. Безопасность и свобода. – *Общая тетрадь*. № 3 (49). URL: http://otetrad.ru/article-550.html (accessed 10.02.2019).

Виловатых А.В. 2017. Евросоюз в тисках миграционного кризиса. – *Проблемы национальной стратегии*. № 2 (41). С. 76-94.

Вимон П. 2017. *Миграция в Европе: преодоление кризиса солидарности*. М.: Московский центр Карнеги. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Vimon_2017_web_Rus.pdf (accessed 10.02.2019).

Войтоловский Ф.Г. 2007. *Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций миропорядка. 1940-2000 годы*. М.: Крафт.

ЕС перед вызовом миграционного кризиса. Позиции европейских стран. 2016. Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. М.: ИМЭМО РАН.

Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма. 2018. Отв. ред. И.П. Цапенко, И.В. Гришин. М.: ИМЭМО РАН.

Преображенская А.А. 2013. Этносоциальные проблемы во французском обществе. – *Новые факторы глобального и регионального развития: обострение этнокультурных противоречий*. Под ред. Е.Ш. Гонтмахера, Н.В. Загладина, И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН. С. 92-98.

Семененко И.С. 2006. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах. – *Мировая экономика и международные отношения*. № 10. С. 58-68.